

И здесь, как и в крыловской басне, нет, по сути дела, ни одного слова лжи, разве что подсюсюкивание («носок, глазок, роток, борода») и точный расчет на убежденность глупца в своих самоочевидных достоинствах.

Как правило, басенный рассказ у Крылова к тому же в каждом сюжетном повороте освещается мудростью народной — пословицами, растворенными в подтексте. Приведем лишь некоторые из них, как бы аукающие крыловскому тексту: «Бог-то Бог, да и сам не будь плох»; «На что вороне большие разговоры, знай ворона свое „кра“»; «Лисье племя только льстит да манит»; «Где лисий хвост, где волчий рот»; «Лестью и душу вынимают»; «Лесть словно зубами съест»; «Каркала вещунья на свою голову».

Потому-то сказочный сюжет и оборачивается обычно у Крылова былью. Ведь не только ворона в просторечии разиня и воровка, но и лиса — лукавый, хитрый человек, пролаз, пронира, корыстный льстец.

И так вплоть до отдельных деталей рассказа. В докрыловской традиции, например, казалось несущественным, на дерево какой породы уселась ворона со своей добычей (только у Сумарокова сказано конкретно: «на дуб села»). У Крылова же — ель; возможно, это подсказано известным русским обычаем вывешивать на кабаке еловую ветку, что обусловило фразеологическую синонимичность: ель — кабак; ср.: «идти под елку» (в кабак); «елка (кабак) чище метлы подметает».

Тем самым басня Крылова теряет четкость дидактической ориентации, вроде бы прямо сформулированной в преамбуле басенного рассказа («Уж сколько раз твердили миру...» и пр.). Она разоблачает лесть, но не представляет в сюжете положительного героя. Так, по сути дела, и должно быть, ибо лесть подобна взятке, где наказуем должен быть и взяткодатель и взяточник. И порок этот — не только бытовой, но и социальный. Уж нам ли этого не знать, помнящим верховных правителей нескольких последних десятилетий...

Вот это-то и создает, как неоднократно отмечалось в педагогической литературе (как правило, с недоумением), непригодность крыловской басни для целей детского воспитания. Используя басню в качестве нравственной прописи, педагог нередко не находил отклика в наивном восприятии, реагирующем на басенный рассказ не умозрительно (как *должно*), а эмоционально и по сути более точно.

Так же дети обычно жалеют Стрекозу, прослушав басню «Стрекоза и Муравей», должную доказать, по мысли воспитателя, что бездельничать аморально.

Заметим, что у Эзопа праздный жук не наказывается, его лишь упрекает труженик-муравей — и вполне справедливо:

«В летнюю пору гулял муравей по пашне и собирал по зернышку пшеницу и ячмень, чтобы запастись кормом на зиму. Увидел его жук и посочувствовал, что ему приходится